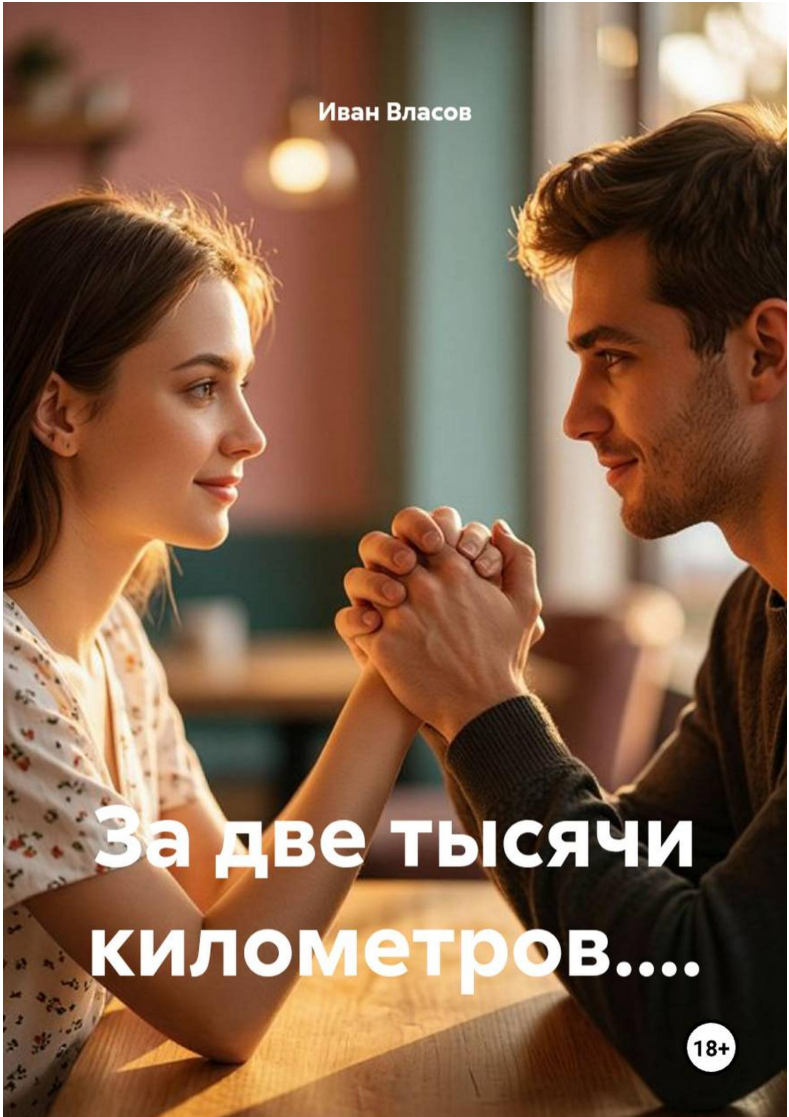

Иван Власов
За две тысячи километров....
18+

Иван Власов

За две тысячи километров....

https://litres.ru/74953757
SelfPub; 2026

Аннотация

Книга расскажет о двух людях, нашедших друг друга в интернете и как начинались их отношения на расстоянии и чем это закончилось.

Содержание

Глава вторая. Тихая 18
Глава третья. Крупицы 25
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Иван Власов
За две тысячи километров....

Пролог

Иногда самые тихие истории звучат громче криков. Эта — как раз такая.

Михаил привык держать всё внутри: боль, усталость, страх не справиться. Работа, которая выжимает до последней капли, и диагноз, который ставит под вопрос саму возможность продолжать в том же ритме. Он не хотел жалости, не искал оправданий — просто пытался удержаться на ногах.

А Анна, детский психолог, каждый день встречала чужие слёзы и пыталась помочь тем, кто едва держится. Её сила была не в громких словах, а в умении просто быть рядом и слышать.

Их разговор начался с пустяка, а стал опорой. В переписке, в редких встречах, в тех самых фразах, после которых становилось чуть легче дышать.

Всё, что вы прочтёте дальше, выросло из настоящих дней, из реальных решений и настоящих чувств. Не все детали совпадают с именами и датами, но каждое сомнение, каждый страх и каждая надежда — настоящие.

Серый город.

Глава первая. Дни похожие на копии.

Михаил проснулся за минуту до будильника. Так бывает, когда тело уже не верит, что день принесёт что-то, кроме тяжести.

За окном моросил дождь — редкий, ленивый, будто небо тоже устало. Он лежал, глядя в потолок, где расползалось серое пятно от старой протечки. Пятно было похоже на карту неизвестного острова. Он знал эту карту наизусть: где берег, где бухта, где тёмная клякса, похожая на маленькое море.

Квартира была маленькая, двухкомнатная, на втором этаже панельной пятиэтажки. В одной комнате спали родители, в другой — он. Между ними — кухня, где по утрам гудел старый холодильник, и коридор, где на гвозде висели три куртки: отцовская, материнская и его, самая потёртая.

Отец уже встал — Михаил слышал, как он гремит чайником на кухне. Отец был большой, полный, с густой тёмной бородой, в которой уже пробивалась седина, но сам он седым ещё не казался. Всю жизнь он проработал за рулём — водил большегрузы, ходил в рейсы по области, возвращался усталый, пропахший соляркой и дорогой. Последние двенадцать лет он сменил профессию: стал электромонтёром, обслуживал уличное освещение. Работа была спокойнее, но и её хватало: то столб, то кабель, то авария после ветра. До пенсии ему оставалось ещё семь лет, и он часто говорил об этом так, будто отсчитывал дни.

Мать, наверное, ещё спала — или только что легла обрат-

но. Она страдала эпилепсией. Болезнь держали таблетками, но таблетки были мочегонные, и из-за них она вставала по ночам — то в туалет, то за водой. Михаил слышал её шаги сквозь сон: тихие, осторожные, будто она боялась кого-то разбудить. Хотя будить было некого.

Она боялась. Не приступов — к ним она привыкла за годы. Она боялась его. Когда-то, когда он был маленьким, она била его — сильно, не сдерживаясь, срывая на нём всё, что накапливалось в ней самой. Он помнил это смутно, как сквозь вату: её лицо, красное, чужое, её руки. Она никогда об этом не говорила. Но с тех пор, как болезнь стала брать своё, с тех пор, как приступы случались всё чаще и она подолгу лежала беспомощная, — в её глазах поселился страх. Она боялась, что однажды он ответит. Что всё, что она когда-то сделала, вернётся. Что руки, которые она когда-то поднимала на ребёнка, поднимутся на неё — уже взрослые, тяжёлые, мужские.

Михаил знал это. Понимал без слов. И от этого ему было тяжелее всего — потому что он не мог ни успокоить её, ни разубедить. Он просто старался быть рядом, говорить мягче, двигаться медленнее. Но страх её никуда не уходил. И каждый раз, когда она вздрагивала от его шагов в коридоре, что-то внутри него сжималось и не отпускало до самого утра.

«Ещё пять минут», — сказал он себе. И соврал. Пяти минут не было. Был только этот день, а потом следующий, и следующий — все одинаковые, как венки на складе, которые

он вчера перетаскивал с восьми утра до шести вечера.

Будильник всё-таки прозвенел. Михаил сел, свесил ноги на холодный пол. Тело ныло так, будто он всю ночь не спал, а таскал мешки. Впрочем, так оно и было — только во сне.

На кухне отец сидел с кружкой чая, глядя в окно. Борода его лежала на груди, как тёмное полотенце, а руки — большие, тяжёлые, в мелких трещинах — спокойно лежали на столе.

— Опять рано, — сказал отец, не оборачиваясь.

— Смена.

— Смена, — повторил отец, будто пробуя слово на вкус. — У всех смена. Я вот тридцать лет за баранкой, потом двенадцать на столбах. И что? Скоро семь лет — и всё. Свобода.

Михаил ничего не ответил. Он налил себе чаю — жидкого, без сахара, — и сел напротив. За окном двор был пуст. У подъезда стояла одна машина, присыпанная мокрым снегом. Качели на детской площадке чуть покачивались от ветра. Скрип доносился даже сюда, на второй этаж, — тонкий, жалобный звук, который не затыкался ни днём, ни ночью.

— Мать опять ночью вставала, — сказал отец.

— Слышал.

— Ты бы с ней поговорил. Она за тебя переживает.

— Знаю.

— Что ты знаешь, — вздохнул отец и замолчал.

Михаил допил чай и пошёл одеваться. Куртка, шапка, старые ботинки, которые давно просили каши. В коридоре он

задержался на секунду, глядя на себя в зеркало. Тридцать два года. Лицо усталое, чуть отекшее, глаза серые, как всё вокруг. Он давно перестал себе нравиться, но и не пытался ничего изменить. Изменить — это значит поверить, что может быть иначе. А он не верил.

На улице было холодно и сыро. Он шёл к остановке, глядя себе под ноги. Город вокруг был маленький, ничем не примечательный — из тех, где всё знают друг друга, но никто никому не нужен. По дороге он прошёл мимо кинотеатра. Вывеска «Синема» давно погасла, буквы местами отклеились, и теперь читалось: «Син ма». У входа висела афиша какого-то фильма — блёклая, засиженная мухами. Михаил не помнил, когда последний раз был в кино. Обещал себе сходить — год назад, два назад. Не сходил.

Чуть дальше стояла больница. Старое здание, обшарпанное, с вечно мигающей лампой над крыльцом. Говорили, что главный хирург там работает ещё с прошлого века, и когда-то его звали лучшим в области. Теперь он казался старше самого времени — сгорбленный, с дрожащими руками, в очках с толстыми стёклами. Каждое утро он поднимался по ступеням больницы, и Михаилу всякий раз казалось, что старик идёт не на работу, а на эшафот. Но шёл. Каждый день. И это упорство почему-то было немым укором всему городу, который давно пора было обновить, но время здесь словно застряло.

Маршрутка пришла через двадцать минут, битком. Ми-

хаил втиснулся, ухватился за поручень. Внутри пахло бензином и мокрыми куртками. Он ехал стоя, глядя в запотевшее окно, за которым медленно проплывали серые дома, серые заборы, серые лица. Город был как один длинный выдох — без начала и без конца.

Работал Михаил в похоронном бюро «Вечность» — так официально называлась контора, хотя все в городе звали её просто «ритуалкой». Бюро занимало старое двухэтажное здание на тихой улице за больницей: внизу — залы прощания, комнаты для родственников, склад с венками и гробами; наверху — кабинеты, бухгалтерия, комната отдыха. Во дворе стояли два катафалка — чёрные, с затемнёнными стёклами, всегда вымытые до блеска. Михаил числился уборщиком территории и грузчиком. То есть таскал всё, что скажут: венки, гробы, инвентарь, мешки с мусором. Убирал двор и дорожки. Иногда помогал в мастерской — там стучали молотками, подгоняли обивку, красили. Иногда — в морге, если нужно было перенести тело.

Работа была тяжёлая, но Михаил привык. Тяжелее было другое — то, что он видел каждый день. Люди приходили сюда не за покупками. Они приходили прощаться. И он, стоя в стороне с лопатой или с мешком мусора, видел всё: и тихие слёзы, и глухое молчание, и крики, и обмороки, и то, как люди хватаются за гроб, будто могут удержать того, кто уже ушёл. За пять лет он насмотрелся столько, что перестал удивляться. Но не перестал чувствовать. Просто научился не

показывать.

В этот день, как и всегда, его встретил напарник — Алексей. Мужчина лет сорока, коренастый, с простым лицом и спокойным взглядом. Алексей работал в «Вечности» уже двенадцать лет и знал здесь всё: где какой ключ, к кому как обратиться, что где лежит. Он был хороший, ответственный работник — если хотел. Но иногда на него находило: он мог среди смены бросить всё, сесть на лавочку у ворот и смотреть в небо. Мог уйти домой раньше, никому ничего не сказав. Мог вообще не прийти — и потом не объяснять, почему. Начальство ругалось, но терпело: Алексей был лучшим. Когда работал — работал так, что все удивлялись. Когда не работал — на него махали рукой.

— Здорово, — сказал Алексей, присаживаясь на перевёрнутый ящик у стены склада. — Опять дождь.

— Опять.

— Говорят, к вечеру снег. Хотя какая разница.

Он смотрел куда-то в сторону ворот, спокойно, без всякого дела. Михаил взял перчатки, пошёл к контейнеру с мусором. Сегодня была уборка территории — надо было пройти по двору, собрать листья, бутылки, бумажки. Работа не тяжёлая, но муторная.

— Миш, — окликнул Алексей, не оборачиваясь. — Ты чего такой смурной всегда?

— Не смурной. Уставший.

— Устал — отдохни.

— Не могу.

— Почему?

Михаил остановился. Посмотрел на Алексея — на его спокойное, чуть насмешливое лицо. Алексей был из тех людей, которые умеют жить легко.

Не потому, что им везёт, а потому, что они не тащат на себе лишнего. Михаил так не умел.

— Так, — сказал он и пошёл дальше с мешком.

Алексей не обиделся. Он вообще редко обижался. Посидел ещё немного, встал, потянулся — и вдруг исчез. Михаил не заметил куда. Может, в мастерскую, может, домой. Через час он снова появился — откуда ни возьмись, будто никуда и не уходил. Взял грабли, начал работать рядом. Молча.

Так они и работали до обеда. Во дворе было тихо. Иногда мимо проходили люди — с цветами, с папками документов, с потерянными лицами. Кто-то шёл уверенно, знал, куда и зачем. Кто-то — впервые, путаясь в дверях, вглядываясь в таблички. Михаил старался не смотреть. Но всё равно видел.

В обед они сели на ту же лавочку у ворот. Михаил развернул бутерброд с колбасой. Алексей достал из кармана пирожок и термос с чаем.

— Миш, — сказал он, жуя. — А ты стихи, что ли, пишешь?

Михаил вздрогнул.

— С чего ты взял?

— Да ты иногда сидишь, в блокнот чего-то черкаешь. Ви-

дел.

— Это... так. Ерунда.

— Ерунда не ерунда, а ты не стыдись, — Алексей отхлебнул чаю. — Я вот ничего не пишу. Ничего не делаю. Живу, и всё. А ты, видать, что-то в себе держишь. Держишь-держишь, потом рванёт.

Михаил промолчал. Алексей не настаивал. Он редко настаивал — просто говорил, что думал, и шёл дальше. В этом было что-то завидное.

После обеда снова работа. Ближе к вечеру привезли венки — большой заказ. Михаил таскал их со склада в зал прощания, ставил вдоль стены. Венки были красивые, живые, пахли сыростью и чем-то сладким. Он старался не вдыхать этот запах — в нём было что-то неправильное, будто он стоял на границе между жизнью и тем, другим.

В шесть он снял перчатки, сдал инвентарь. Алексей уже ушёл — Михаил не заметил когда. По дороге к остановке он прошёл мимо двора, где стояли катафалки. Один как раз выезжал — медленно, торжественно, с включёнными фарами. Михаил посторонился, проводил его взглядом. Потом поёжился и пошёл быстрее.

Возвращался домой в той же маршрутке, с тем же запахом бензина и мокрых курток. За окном было уже темно. Город зажёг фонари — тусклые, жёлтые, они почти не разгоняли тьму, только делали её заметнее. Михаил подумал, что где-то сейчас, на одном из столбов, висит его отец — в спецовке,

с инструментом, меняет лампу или чинит провод. Эта мысль почему-то показалась ему тёплой.

Дома он снял куртку, не включая свет, прошёл на кухню. Мать сидела за столом, вязала. Отец смотрел телевизор в комнате — глухо, будто через стену.

— Поел? — спросила мать, не поднимая глаз.

— Да.

— Я суп сварила. Разогрей. — Ладно.

Он не стал разогревать. Прошёл в свою комнату, прикрыл дверь. Комната была маленькая: кровать, шкаф, стол у окна. На столе — стопка книг, которые он всё собирался прочитать. У окна — ящик, в нём тетрадь.

Он достал тетрадь. Это была его тетрадь. Не для работы, не для быта.

Для того другого, что жило в нём, но не имело голоса в дневное время.

Он сел на кровать, положил тетрадь на колени, взял ручку. Долго смотрел на пустую страницу. Потом написал — криво, быстро, будто боялся, что не успеет:

Я живу в этом городе, как в пустой квартире, где часы не идут, а стоят на зиме. Я давно перестал удивляться рассвету, потому что рассветы приходят не мне.

Я ношу своё тело, как старый чемодан, тяжёлый, побитый, с чужой наклейкой. И никто не подходит, и я никому не дан, и ночь моя пахнет холодной грелкой.

Он перечитал. Строчки были неуклюжие, местами не в

рифму, но в них было то, чего не было в дневных словах — правда. Он закрыл тетрадь, убрал её в ящик.

Потом лёг на кровать, не раздеваясь. Сон не шёл. Он лежал и слушал дом:

как гудит холодильник, как шуршит за стеной телевизор, как где-то далеко, на кухне, капает кран. Потом услышал шаги — тихие, осторожные. Мать.

Он не знал, зачем встал. Просто встал. Вышел на кухню.

Она стояла у окна, спиной к нему, в старом халате, с чашкой в руке. Не обернулась. Но он видел, как напряглась её спина — она услышала его.

— Не спится? — спросил он тихо.

— Таблетки, — сказала она. — Воды попить. — Ясно.

Он сел за стол. Она постояла ещё немного, потом тоже села — напротив, но чуть боком, будто готовая в любой момент встать и уйти. Между ними лежала скатерть, старая, с вышитыми цветами, которые давно выцвели. За окном было темно. Только один фонарь горел во дворе — тот самый, что чинил отец.

Они молчали. Долго. Михаил смотрел на её руки — сухие, в мелких морщинах, с тонкими пальцами, которые когда-то умели быть жёсткими. Теперь они дрожали. Не от болезни даже — просто от времени.

— Миша, — сказала она вдруг. Голос был тихий, будто она сама не ожидала, что заговорит.

— Что?

— Ты... — она запнулась. — Ты не злись на меня.

Он не сразу понял. Потом понял. И внутри всё сжалось.

— Мам.

— Я знаю, что я, — она смотрела в стол, не на него. — Я знаю. Я всё помню. Я думала, ты не помнишь, а ты помнишь. Я вижу, как ты смотришь. Как ты ходишь тихо. Как ты боишься меня напугать. Я всё вижу.

— Мам, — сказал он ещё раз. — Я не...

— Я боюсь, — перебила она, и голос её стал совсем тонким. — Я боюсь тебя. Каждую ночь боюсь. Ты большой. Ты сильный. Ты мог бы. И я бы не смогла ничего. Я бы даже не...

Она замолчала. Чашка дрожала в её руке.

Михаил сидел, не двигаясь. В груди было горячо и тесно, будто там что-то распирало изнутри. Он хотел сказать многое. Что он не такой. Что он никогда. Что он помнит, да, но это давно перестало быть болью — оно стало просто частью него, как шрам, который не болит, но всегда на месте. Он хотел сказать, что не винит её. Что она была молодой, уставшей, что у неё саму жизнь была не сахар. Что он всё понимает. Что он её любит.

Но слов не было. Были только руки, которые вдруг стали чужими и тяжёлыми, и стол, и выцветшая скатерть, и чашка, которая дрожала.

Он встал. Она вздрогнула — всем телом, как от удара.

Он обошёл стол. Медленно, чтобы она видела каждый его шаг. И остановился рядом. И опустился на корточки — так,

чтобы его лицо было ниже её лица, чтобы она смотрела на него сверху, а не снизу. Чтобы она не боялась.

— Мам, — сказал он тихо. — Я тебя не трону. Никогда. Слышишь?

Она смотрела на него. Глаза были мокрые.

— Никогда, — повторил он. — Что бы ни было. Ты — моя мать. Я тебя не трону.

Он взял её руку — осторожно, как берут что-то хрупкое. Рука была холодная. Он подержал её немного. Потом встал, отпустил.

— Пойдём спать, — сказал он. — Поздно.

Она кивнула. Медленно встала. Пошла к своей комнате — тихо, боком, всё ещё чуть напряжённая. У двери обернулась.

— Миша.

— Что?

— Ты... — она не договорила. Только махнула рукой и ушла.

Он постоял ещё немного на кухне. Потом выключил свет и пошёл к себе.

Лёг. Уставился в потолок. Серое пятно на месте. Карта неизвестного острова.

Он долго смотрел на неё, пока глаза не начали слипаться. И засыпая, он снова подумал о том же, о чём думал каждый вечер: что где-то там, за пределами этого города, за полосами мёртвого аэропорта, за редкими поездами, уходящими в никуда, есть жизнь. Настоящая. С людьми, с теплом, с чем-

то, чего он никогда не видел.

Он не знал, что эта жизнь уже идёт ему навстречу — по тонким проводам, через экраны, через чужие слова, сказанные в пустоту.

Он не знал.

Глава вторая. Тихая

Была середина ночи, когда Анна поняла, что сон сегодня не придёт.

Она лежала в темноте, глядя в потолок. Рядом, в маленькой кровати у стены, сопел Гриша. Ему было восемь, и он спал беспокойно — ворочался, что-то бормотал, иногда вскрикивал. Анна привыкла просыпаться от этих звуков. За восемь лет она научилась спать вполглаза — так, чтобы слышать его, но не просыпаться до конца. Сегодня это не помогало. Она просто лежала и слушала тишину.

Квартира была маленькая, на пятом этаже кирпичной хрущёвки. Без лифта. Две комнаты, кухня, коридор — и всё. Стены были старые, с трещинами, которые она давно перестала замечать. Окна выходили во двор, где по ночам горел один фонарь — тусклый, жёлтый, на длинной изогнутой ноге. Иногда его чинили. Иногда он мигал. Сейчас он просто горел.

Анна поднялась, стараясь не скрипнуть половицей. Накинула халат, вышла на кухню. Включила свет над плитой — не верхний. Налила себе воды. Села на табурет, обхватила чашку руками.

Она устала. Не так, как устают после долгого дня, — глубже. Так, будто усталость накопилась за годы и теперь жила в ней постоянно, как второй человек. Она привыкла. Но ино-

гда, вот в такие ночи, эта усталость становилась особенно заметной. Она садилась рядом, как гость, которого не приглашали, и молчала.

Анна подумала о Боре. Ему было двадцать — взрослый, самостоятельный. Учился, подрабатывал, приходил поздно. С ней почти не разговаривал — не из злости, просто у него была своя жизнь. Она не лезла. Знала: если понадобится, он придёт сам. Но иногда, вот как сейчас, ей хотелось заглянуть к нему — просто посмотреть, как он спит. Убедиться, что всё хорошо. Она не заглядывала. Уважала.

Она подумала о работе. Завтра — снова в школу-интернат, снова дети. У неё был класс — если это можно назвать классом: дети из неблагополучных семей, дети с ограниченными возможностями, дети, которых отправили сюда на несколько месяцев или на год «на перевоспитание». С каждым надо было найти общий язык. С каждым — по-своему. Анна умела. Не потому что её научили — просто внутри было что-то, что позволяло видеть в любом ребёнке человека, даже если сам ребёнок в это давно не верил.

Она любила свою работу. Но она забирала всё. Домой Анна возвращалась в десятом часу вечера. Ужин, уроки с Гришей, посуда, стирка. И только в час, иногда в два ночи она ложилась. Телефон всегда был в руке.

Вот и сейчас она взяла его. Открыла ленту. Это была привычка — листать, не искать. Свет в темноте. Чужие жизни, чужие лица, чужие шутки. Иногда что-то задевало. Тогда она

писала — незнакомым людям, под роликами, под статьями, под чужими постами. Не для того, чтобы поспорить, а просто: «Спасибо», или «я вас понимаю», или «держитесь». Короткие слова. Она знала: иногда короткие слова греют сильнее длинных. Она сама много раз согревалась чужими «держитесь», сказанными ей в пустоту.

В ту ночь ей попался ролик о мужском и женском восприятии. Психолог, спокойный голос, простые слова. Анна смотрела вполглаза. Потом открыла комментарии. Обычно там был шум — спор, ругань, глупые шутки. Но один комментарий она прочитала до конца.

Писал мужчина. Коротко, просто, без позы. О близости, о страхе, о том, что усталость — это не слабость. О том, что доброта — это не то, что отдают, когда остаётся излишек, а то, что отдают, когда излишка нет.

Анна перечитала. Потом ещё раз. Это был необычный комментарий. Не умный даже — добрый. Простой. Такой, от которого на душе становилось теплее, будто кто-то рядом молча положил руку на плечо и ничего не сказал.

Она не думала долго. Написала: «Спасибо. Мне это было нужно сегодня». И отправила.

Потом удивилась сама себе. Хотя — чему удивляться? Она всегда так делала. Но в этот раз было иначе. В этот раз она не просто написала в пустоту. Она написала — и почувствовала, что это не в пустоту.

Она отложила телефон. Посмотрела в окно. Фонарь горел.

Небо на востоке чуть посветлело — скоро утро. Она встала, выключила свет, пошла к себе. Легла. И на этот раз сон пришёл быстро.

Утром всё было как всегда.

Анна встала в семь. Разбудила Гришу — он капризничал, не хотел вставать, прятал голову под подушку. Она уговаривала его, потом повысила голос, потом снова уговорила. Пристыдить она не могла — не умела. Могла только накричать, и то, когда уставала так, что не оставалось сил на мягкость. К восьми Гриша был одет, накормлен и отправлен. Боря встал сам, молча выпил кофе, ушёл.

Анна поехала на работу.

Школа-интернат стояла на окраине, в старом здании с высокими потолками и длинными коридорами. Анна работала здесь уже семь лет — детским психологом и учителем. Каждое утро она входила в эти коридоры и чувствовала одно и то же: здесь тяжело, но здесь нужно. Дети, которые приходили сюда, редко улыбались просто так. Их надо было учить улыбаться. Не словами — собой.

В тот день у неё было пять занятий. Она разговаривала с мальчиком, который боялся темноты. Играла с девочкой, которая никому не верила. Сидела рядом с подростком, который молчал уже третий месяц. Просто сидела. Иногда это было важнее слов.

Домой она вернулась в десятом часу. По дороге зашла в

магазин — макароны, сыр, хлеб. Считала в уме, хватит ли до зарплаты. Хватало впритык.

Дома — ужин, уроки с Гришей, посуда, стирка. Боря сидел у себя. В час ночи Анна, наконец, легла. Телефон был в руке.

Она открыла ленту. И почти сразу вспомнила про тот комментарий. Заглянула в уведомления. Ответ был.

Мужчина написал просто: «Я рад. Если захотите — можно поговорить».

Анна посмотрела на экран. Долго. Потом открыла его профиль.

Фотография была неуклюжая — некрасивая, честно говоря. Снята снизу, лицо чуть размыто, фон непонятный. Но черты лица были приятные — она это отметила сразу. Что-то в них было — доброе, спокойное. Не то, что цепляет взгляд, а то, что остаётся.

На стене — никаких стихов. Вместо них — какие-то странные видео. Непонятные. Что-то летало, что-то бегало, мелькало, искрилось. Анна не сразу поняла, что это. Может, игры. Может, просто чужое творчество. Смотреть было не интересно, и она пролистала вниз. Ещё видео. Ещё. И вдруг — среди этого шума — она наткнулась на короткую запись, где он что-то говорил. Голос был тихий, будто он не привык говорить громко.

Она вернулась в переписку. Написала: «Можно. Только я не знаю, с чего начать».

Он ответил почти сразу: «С чего угодно. Хоть с погоды».

Она улыбнулась. Впервые за день — по-настоящему.

Ночью, когда все спали, Анна лежала в темноте и держала телефон в руке. Они переписывались уже два часа. О пустяках, о книгах, о городе. Он писал коротко, с паузами. Она чувствовала, что он тоже устал — устал, как она, — но не жалуется. Просто говорит.

Она вдруг поняла, что не хочет, чтобы это заканчивалось. И это её напугало.

Она положила телефон на тумбочку, экраном вниз. Посмотрела в потолок. За окном шёл дождь. Капли стучали по подоконнику — тихо, ровно, как метроном.

Она вспомнила мужа. Они прожили вместе четырнадцать лет — целая жизнь. Познакомились здесь же, в в небольшом городке, совсем молодыми. Сначала бегали по съёмным квартирам: то одну снимут, то другую, то к его матери, то к её. Он пил — сначала понемногу, потом всё больше. Сначала она терпела, потом просила, потом умоляла, потом перестала. А потом выгнала. Сама. С той самой съёмной квартиры, где они жили тогда. Собрала его вещи в пакеты, поставила у двери и сказала: «Уходи». Он ушёл. Не к другой — просто ушёл.

С двумя детьми Анна уехала к маме. Пожила у неё, собралась с силами, подумала — и решила: хватит. Хватит съёмных, хватит чужих углов. Она взяла ипотеку. Сама, одна, с

двумя детьми на руках. Квартира была маленькая, на пятом этаже кирпичной хрущёвки — без лифта, с высокими потолками, с окнами во двор. Старая, но своя. Каждый вечер она поднималась пешком на пятый этаж — с сумками, с усталостью, с детьми. Иногда останавливалась на площадке между четвёртым и пятым — просто чтобы отдышаться. Но поднималась. Всегда.

Муж жил в посёлке недалеко, в частном доме.

Она вспомнила, как он уходил. Как она стояла в дверях и не могла сказать ни слова. Как потом сидела на полу в коридоре и смотрела на его пустые полки. Как Гриша спрашивал: «А где папа?» — и она отвечала: «Папа уехал». И знала, что он не вернётся.

Она не хотела снова. Не хотела снова ждать, надеяться, верить — и остаться одной. В ней всё сопротивлялось. Но телефон лежал на тумбочке, и она знала, что утром снова его возьмёт.

Она закрыла глаза. Сон пришёл не сразу.

А где-то далеко, в сером городе, в маленькой двухкомнатной квартире на втором этаже, лежал человек, который ещё не знал, что его слова уже дошли. Что они нашли её. Что ниточка, которая натянулась между ними, уже не разорвётся — только натянется сильнее.

Он спал. За окном моросил дождь. Серое пятно на потолке было на месте.

Никто из них ещё не знал, что это начало.

Глава третья. Крупицы

Михаил проснулся раньше будильника и сразу понял: что-то изменилось.

Он не сразу сообразил, что именно. Просто лежал и чувствовал — какую-то лёгкость, которой давно не было. Тело по-прежнему ныло, в окно по-прежнему моросил дождь, серое пятно на потолке было на месте. Но что-то внутри сидело иначе. Будто в комнате стало чуть больше воздуха.

Потом вспомнил: ответ. Она ответила.

Он потянулся к телефону, лежавшему на полу у кровати — зарядку он вчера так и не включил, и батарея, наверное, села. Экран загорелся.

Батарея — восемь процентов. Поверх — уведомление.

«Спасибо. Мне это было нужно сегодня».

Он перечитал. Потом ещё раз. Слова были простые, но почему-то от них стало тепло — как от чашки чая в холодный день, когда ты ещё не успел замёрзнуть, но уже успел устать.

Он не стал отвечать сразу. Не потому, что не хотел, а потому, что не знал что. Так бывает, когда боишься спугнуть. Он просто убрал телефон в карман, встал и пошёл умываться.

На кухне мать уже сидела с чашкой. Отец ушёл на смену рано — Михаил не слышал, как он собирался. Мать смотрела в окно. Она не обернулась, но Михаил видел: спина чуть напряглась, как всегда, когда он входил. Он сделал вид, что

не заметил. Налил себе чаю, сел напротив.

— Рано сегодня, — сказала мать.

— Не спится.

— Тебе бы к врачу, Миш.

— Мам.

— Что «мам». Тридцать два года, а ты как старик. Давление, спина. Кто тебя такого возьмёт.

Он не ответил. Отпил чаю. Она вздохнула и замолчала. Разговор этот повторялся каждое утро и никогда ни к чему не приводил. Она боялась за него, он это знал. Но её страх был устроен так, что помогать им было нельзя — можно было только терпеть.

На работе всё шло своим чередом. Похоронное бюро «Вечность» — двухэтажное здание за больницей, двор с катафалками, залы прощания, мастерская. Михаил с утра убирал двор: листья, окурки, бумажки, оставленные после вчерашних проводов. Работа механическая, руки делали, голова была свободна.

И голова думала о ней.

Он не знал о ней почти ничего. Имя — Анна, он увидел его в профиле. Фотография — красивая женщина, чуть усталая, с мягким взглядом. Больше ничего. Но он почему-то весь день возвращался к этой короткой фразе: «Мне это было нужно сегодня». Что ей было нужно? Что у неё случилось? Почему она не спала в четыре утра и листала ленту?

Он понимал, что додумывает. Что рисует себе образ, которого может не быть. Но остановиться не мог.

— Миш, — окликнул его Алексей, который появился неизвестно откуда и теперь стоял у стены склада, глядя в небо. — Ты сегодня какой-то не такой.

— Какой?

— Задумчивый. Вроде и работаешь, а тебя тут нет.

Михаил промолчал. Алексей не стал допытываться — просто постоял ещё, потом взял лопату и начал помогать. Они работали молча. Во дворе было тихо. Только ветер шуршал по асфальту да где-то в мастерской стучали молотком.

В обед они сели на ту же лавочку у ворот. Алексей достал свой неизменный пирожок и термос. Михаил — бутерброд с колбасой.

— Миш.

— Что.

— Ты когда в последний раз куда-нибудь ездил?

Михаил подумал.

— Не помню.

— Вот. А ты говоришь — устал. Ты не устал. Ты застрял.

Михаил хотел ответить что-нибудь резкое, но не нашёл что. Алексей был прав. Он застрял. В городе, в квартире, в работе, в себе.

— Ладно, — сказал Алексей, вставая. — Пойду пройдусь.

И исчез. Михаил остался сидеть. Он достал телефон — батарея, к счастью, подзарядилась от пауэрбанка, который он

всегда носил с собой. Открыл переписку. Посмотрел на её сообщение. И написал:

«Я рад. Если захотите — можно поговорить».

Отправил. Положил телефон в карман. Достал бутерброд, но есть почему-то расхотелось.

Она ответила вечером, когда он уже ехал домой в маршрутке.

«Можно. Только я не знаю, с чего начать».

Михаил смотрел на эти слова и улыбался — как дурак, наверное, со стороны. Пожилая женщина напротив подозрительно покосилась. Он отвернулся к окну.

Написал: «С чего угодно. Хоть с погоды».

Она не ответила сразу. Прошло минут десять. Михаил уже начал думать, что сказал что-то не то, что она передумала. Потом телефон завибрировал.

«У нас дождь. А у вас?»

Он выдохнул. «Тоже. Целый день моросит».

И пошло.

Дома он поужинал — на этот раз разогрел суп, чтобы мать не расстраивалась. Отец вернулся со смены, сел у телевизора, задремал в кресле. Мать вязала. Михаил ушёл к себе и лёг на кровать с телефоном.

Они переписывались два часа. О пустяках, о погоде, о том, как тяжело вставать по утрам. Она писала коротко, с пауза-

ми. Он — тоже. Ничего особенного. Но почему-то каждый раз, когда телефон вибрировал, у него внутри что-то отзывалось.

А потом он открыл её профиль.

Он не сразу решился — это казалось чем-то вроде подглядывания. Но любопытство было сильнее. Он листал страницу медленно, останавливаясь на каждой фотографии.

Анна. Светлые волосы, чуть уставшие глаза. Улыбка — не широкая, а та, что появляется, когда человек улыбается не для камеры, а для себя. На одной фотографии — с двумя мальчиками. Старший — уже взрослый, высокий, серьёзный. Младший — маленький, вихрастый, смешной. На другой — она одна, у окна, смотрит куда-то в сторону. На третьей — просто небо.

Он остановился на той, где она с детьми. Смотрел долго.

Она была красивая — это он понял сразу, ещё по первой фотографии. Но красота была не главным. Главным было что-то другое — какое-то тепло, которое шло от этих снимков. Она не позировала. Она просто жила. И в этой жизни было что-то, что ему хотелось понять.

Он закрыл профиль. Посмотрел в потолок. Серое пятно на месте.

И вдруг понял: он ничего о ней не знает. Совсем ничего. Но почему-то уже чувствует, что она — та. Та, которую он ждал. И это было страшно.

Он взял тетрадь. Не потому, что хотел писать, а пото-

му, что слова сами подступили и просились наружу. Открыл страницу, взял ручку и написал:

Я не знаю, как тебя зовут по-настоящему, но я вижу, как ты смотришь в окно. И мне кажется, что где-то там, за тучами, мы с тобой уже виделись давно.

Я не знаю, что ты ела на ужин, и какой у тебя сегодня был день. Но мне хочется, чтоб он был не хуже, чем тот вечер, когда в окне — сирень.

Я не знаю ничего. Только имя.

Только фото. Только тихий твой взгляд. И от этого мне вдруг стало теплее, будто кто-то зажёг в комнате свет.

Он перечитал. Строчки были неуклюжие, наивные — как у мальчишки. Он смутился сам себя. Но не вычеркнул. Закрыл тетрадь, убрал в ящик.

Потом лёг. Уже засыпая, он подумал: «А вдруг она сейчас тоже смотрит в потолок?»

Он не знал, что за полторы тысячи километров от него, в маленькой квартире на пятом этаже кирпичной хрущёвки, женщина по имени Анна лежала в темноте и держала телефон в руке. И что она только что закрыла его профиль — со странными видео, с неуклюжей фотографией, с приятными чертами лица.

Она тоже не спала.

Тонкая нить между Анной и Михаилом.

Глава четвёртая. Возвращение и новые ощущения.

Прошло время. Михаил по привычке пролистывал ленту,

но его мысли неизменно возвращались к той девушке. Её поразительная красота и удивительная теплота оставили след в его душе, не давая покоя. Дни тянулись одинаково: подъём затемно, гулкий ритм машин, работа на складе, где каждый ящик будто нарочно был тяжелее предыдущего, потом дорога домой по серым улицам, где фонари зажигались раньше, чем успевали погаснуть последние отблески заката. И всё это время внутри него жило странное, упрямое чувство — будто где-то есть другой мир, тёплый и живой, и он связан с Анной.

И вот, в один из дней, на странице Анны появилось новое видео. Она была хрупкой и сияющей, но в её глазах читалась глубокая, пронзительная грусть. Анна говорила об уходящем годе, о том, как много в нём было и света, и боли. Она признавалась, что переживает далеко не лучшие времена, и в каждом её слове звучала неподдельная уязвимость.

Михаил смотрел это видео несколько раз, вглядываясь в её лицо, вслушиваясь в интонации. Он видел, как она старается держаться, как улыбка даётся ей с трудом, как в глазах стоят слёзы, которые она не позволяет себе пролить. И что-то внутри него дрогнуло — не жалость, не желание спасти, а тихое, почти болезненное узнавание: он понял, что перед ним человек, который тоже умеет чувствовать эту тяжесть дней и всё равно не сдаётся.

Эта тонкая меланхолия окончательно покорила Михаила. Он понял, что не может остаться в стороне, и написал ей в личные сообщения. Пальцы будто сами выводили слова, и,

когда он нажал «Отправить», на секунду замер, будто ждал не ответа, а какого-то знака, что он не ошибся.

Ответ пришёл не сразу. Михаил ловил себя на том, что каждые пять минут тянется к телефону, проверяет экран, будто боится пропустить уведомление. И когда наконец выскочило сообщение, он почувствовал, как внутри что-то расслабилось — словно узел, который он не замечал, пока тот был затянут.

Разговор возобновился так легко, словно они и не делали паузы. Слова текли свободно, наполняя экраны телефонов теплом. Михаил никогда прежде не испытывал подобного чувства абсолютного, непринуждённого единения с человеком, который к тому же так сильно его привлекал. Это было уже не просто общение — это было узнавание, медленное и осторожное, как если бы они вдвоём шли по узкой тропинке в темноте и держали друг друга за руку, чтобы не оступиться.

Они говорили обо всём: о детстве и мечтах, о страхах и надеждах, о том, что делает нас теми, кто мы есть. Анна рассказывала о своих сыновьях, о том, как трудно быть матерью, которая должна быть сильной, когда внутри всё рушится. Она не жаловалась — скорее делилась, как делятся чем-то очень личным, когда чувствуют, что тебя поймут. Михаил слушал, не перебивая, ловя каждую интонацию, и вдруг осознал, что давно никому не удавалось так глубоко его зацепить.

Анна призналась, что иногда ей кажется, будто она живёт на два мира: один — для детей, где она обязана улыбаться и делать вид, что всё под контролем, и другой — тот, где ей позволено быть уставшей, растерянной, просто человеком. Михаил в ответ рассказал о своей работе, о том, как тяжело бывает возвращаться в пустую квартиру, где тишина давит сильнее, чем любой шум. И в этом признании не было ни позы, ни желания вызвать жалость — просто честность, которой ему самому не хватало. В какой-то момент разговор стал тише. Они перестали спешить, как будто оба почувствовали, что спешить некуда.

Анна написала:

–«Знаешь, с тобой можно не притворяться».

И эти слова повисли между ними, простые и невероятно важные. Михаил долго смотрел на экран, не зная, что ответить, а потом напечатал:

—«Я тоже не хочу притворяться. С тобой это как-то… неправильно».

Они стали писать друг другу каждый вечер. Иногда это были длинные сообщения, где слова будто искали друг друга, спотыкались и снова находили путь. Иногда — короткие, почти незаметные:

—«Сегодня было тяжело», «А у тебя как?», «Просто хотела сказать, что подумала о тебе».

И в этих простых фразах было столько тепла, что Михаил ловил себя на мысли: он ждёт этих сообщений сильнее, чем

раньше ждал чего-либо в своей жизни.

Однажды Анна прислала фото — не постановочное, а случайное: она стояла у окна, за которым шёл дождь, и держала чашку, будто пыталась согреться. На фото не было идеальной позы, не было улыбки для камеры, но было что-то настоящее — усталость, надежда, ожидание. Михаил долго смотрел на это фото, а потом написал:

—«Ты красивая, такая настоящая и милая».

И Анна ответила:

—«Спасибо. Это самое важное, что мне говорили за долгое время».

С каждым днём их разговоры становились глубже. Михаил начал замечать, как меняется его собственное восприятие мира: серые улицы уже не казались такими безнадёжными, тяжёлый день на складе не забирал всю энергию, потому что где-то там, за экраном телефона, его ждала эта тихая, но такая сильная связь. Он ловил себя на том, что улыбается, читая её сообщения, и даже коллеги стали замечать, что он стал чуть спокойнее, чуть мягче.

А потом Анна призналась, что боится снова довериться, боится, что её уязвимость примут за слабость. Михаил ответил не сразу — он подбирал слова, стараясь не звучать как в банальном фильме, а быть по-настоящему честным.

—«Я не обещаю, что смогу всё исправить, — написал он. — Но я обещаю, что не стану судить. И если тебе нужно просто выговориться — я здесь». И в этот момент он сам пове-

рил в то, что написал.

Так и продолжалась их общение — не в громких поступках, а в тихих, но важных словах, в умении слушать и быть услышанным, в том, как два человека, каждый со своей болью и своими надеждами, осторожно начинали доверять друг другу. И это доверие, хрупкое, как первый лёд, становилось для них обоих чем-то вроде опоры — такой, какой раньше ни у одного из них не было.

И тут завели разговор о любви, о том как это чувствовать женщину и что в этот момент чувствует мужчина. Михаил этого не знал, так как ни разу не был близок с женщиной, никогда не было у него секса. Анна стала спрашивать что он чувствует когда себя сам удовлетворяет и он стал рассказывать. Анна внимательно выслушала. После Михаил спросил что чувствует Анна когда себе делает приятно и Михаил слушал очень внимательно, почти не дыша. У него в штанах зашевелилось, он захотел почувствовать женщину как никогда, он захотел почувствовать именно Анну.

Анна:

— Слушай, а у тебя вообще был секс? Ну, с кем-нибудь?

Михаил долго не отвечал. Анна уже начала переживать, что задала слишком личный вопрос, но потом увидела, что он печатает.

Михаил:

— Нет. Ни разу. Я… как-то не сложилось. Я даже не целовался ни с кем по-настоящему.

Как то одна девушка пообещала на 18 лет меня решить девственности, но как этот момент подошёл, я как то разволновался, мы тогда были оба голые на кровати и у меня не встал. Она только рассмеялась и назвала меня импотентом. С тех пор я и не пытался заводить пытаться отношения или просто знакомится, чтобы заняться сексом.

Анна:

— Да дура она. Нормальная бы поняла спокойно и приняла бы это. Ты бы погладил её, пока целовались бы, он у тебя бы встал. Ну а если даже и нет, то потом ещё раз попробовали бы, будт она адекватной. А чего знакомится больше не стал? Правда? А почему? Ты же симпатичный, на фотографии в профиле конечно прическа не акти у тебя, но лицо симпатичное.

Михаил:

— Ну, я стеснительный. И всё как-то не до того было. Да и боялся что кто то опять засмеётся, что вдруг опять не встанет, да ещё расскажет это знакомым своим. А сейчас я тебя встретил.

Анна улыбнулась, чувствуя тепло в груди.

Михаил:

— Сейчас слышу как соседи этажом ниже занимаются любовью. Через батарею, слышимость очень хорошая. Кровать скрепит и женщина немного стонет.

Анна:

— А сейчас ты хочешь заняться сексом? Ну, когда ты слы-

шишь, как соседи занимаются сексом?

Михаил:

— Да хочу.

Анна:

— И что ты чувствуешь, когда слышишь?

Михаил снова замолчал. Анна видела, как он печатает и стирает, печатает и стирает. Наконец, пришло сообщение.

Михаил:

— Ну… член немного набух. Но не твёрдый. Просто как-то тепло стало. Как будто кровь прилила к низу живота.

Анна:

— А ты пробовал его погладить?

Михаил долго не отвечал. Анна уже думала, что он обиделся, но потом пришло сообщение:

Михаил:

— Ну… сейчас попробовал. Немного. Провёл рукой по стволу, и по телу прошла дрожь. Как будто электрический разряд.

Анна:

— Ну как, стал твёрдым?

Михаил:

— Да, немного твёрже стал. Но я больше возбуждаюсь от твоего голоса. То есть, от твоих сообщений. Когда ты пишешь, у меня мурашки по коже бегут.

Он написал это с опаской. Михаил чувствовал, что он боится, что она сейчас пошлёт его или решит, что он извраще-

нец. Но вместо этого она почувствовала, как внутри неё разливается тепло.

Анна:

— Это так мило. Правда. Мне нравится, что ты такой честный со мной.

Михаил:

— Правда? Ты не злишься?

Анна:

— Нет. А что ты сейчас слышишь? Соседи всё ещё занимаются любовью?

Михаил:

— Да. Они сейчас прямо трахаются. Оба стонут. Я слышу, как кровать скрипит в такт. И как женщина выкрикивает что-то неразборчивое.

Анна:

— А с чего ты взял, что именно трахаются?

Михаил:

— Ну… ритм такой. И стонут оба. Как-то… тяжело дышат. Иногда она вскрикивает — как будто ей больно, но приятно. Я даже завидую им немного.

Анна почувствовала, как её собственное дыхание участилось. Она прикусила губу, глядя на экран. Её рука машинально легла на грудь, сжимая её через ткань футболки.

Анна:

— А ты бы хотел… ну, чтобы мы с тобой тоже занялись любовью? Прямо сейчас? По переписке?

Михаил ответил почти сразу:

Михаил:

— Да. Очень хочу. Но я боюсь, что ты решишь, что я какой-то ненормальный.

Анна:

— Глупый. Я тоже хочу.

Михаил:

— Правда?!

Анна:

— Правда. Только… я никогда такого не делала. По переписке.

Михаил:

— Я тоже. У меня вообще первый раз.

Анна улыбнулась, чувствуя, как её сердце колотится. Она набрала побольше воздуха и начала печатать.

Анна:

— Хорошо. Тогда начнём. Я сейчас лежу в кровати. На мне только футболка и трусики. Я представила, как ты рядом. Как ты целуешь меня в шею.

Михаил напечатал почти сразу:

Михаил:

— Я бы целовал тебя медленно. Сначала губы. Потом спустился бы к шее.

К ключицам. Я бы чувствовал, как твоя кожа горит под моими губами.

Как ты дрожишь от каждого прикосновения.

Анна:

— Да… Я уже дрожу. Мои соски твердеют прямо сейчас. Они такие чувствительные. Я представляю, как ты сжимаешь мою грудь. Как твои ладони ощущают их. У меня к стате левый сосок чувствительнее чем правый.

Михаил:

— Я бы сжимал её нежно. А потом взял бы сосок в рот. Я бы посасывал его, пока ты не застонала. Я бы чувствовал, как он твердеет у меня на языке.

Анна почувствовала, как между ног разливается тепло. Она машинально провела рукой по груди, сжимая её через ткань футболки. Соски были твёрдыми, набухшими, и каждое прикосновение отдавалось приятной дрожью внизу живота.

Анна:

— Я уже стону. Ты даже не представляешь. Мои трусики уже мокрые. Я чувствую, как влага растекается по бёдрам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.